

Title	: - 1917
Author(s)	,
Citation	Acta Slavica Iaponica, 37, 47-71
Issue Date	2016
DOI	10.14943/ASI.37.47
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/84083
Type	bulletin (article)
File Information	37_03_pp.47-71.pdf

[Instructions for use](#)

Сибирское областничество в контексте революционных событий: марта–октября 1917 года

Владимир Шишкин

ФЕНОМЕН СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА: СУЩНОСТЬ И СОСТОЯНИЕ

Областничество принадлежит к числу феноменов общественно-политической и культурной жизни Сибири второй половины XIX – начала XX века, наиболее выразительно характеризующих ее специфику и выделяющих из общероссийского контекста. Совершенно естественно, что нескольких поколений российских и зарубежных исследователей Сибири считало областничество актуальной темой, хотя каждый раз свое обращение к ее изучению аргументировали разными причинами и соображениями. Благодаря такому интересу, количество публикаций, посвященных сибирскому областничеству, к концу XX – началу XXI века достигло нескольких сотен наименований, которые по своему объему в несколько раз превосходили совокупность оригинальных текстов, написанных самими областниками.¹

Анализ литературы о сибирском областничестве не оставляет сомнений в том, что в понимании его содержания, сути и исторического значения исследователи серьезно разошлись. Впрочем, последнее не удивительно, а скорее, даже вполне закономерно. Расхождения в трактовке изучаемого феномена были обусловлены разными причинами, главными из которых были два объективных фактора.

Прежде всего, конечно, необходимо указать на то, что за несколько десятилетий своего существования взгляды патриотов Сибири, как вполне правомерно называть областников, под влиянием объективных реалий российской и сибирской действительности претерпели значительную эволюцию: одни из них утратили острую злободневность, тогда как другие, напротив, актуализировались.

Вторая причина заключается в том, что на позиции исследователей, особенно российских, значительное влияние оказали различия в условиях, в которых им приходилось заниматься изучением областничества:

1 См.: Вуд А. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // Расы и народы. 1997. Вып. 24. М., 1998. С. 203–217; Казаркин А.П. Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири // Вестник Томского гос. университета. 1999. № 268. С. 11–12; Сибирское областничество. Биобиблиографический справочник. Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса). Отв. ред. С.С. Быкова. Томск: Водолей, 2001. 288 с.

доступность источников, политико-идеологическое влияние со стороны государства и общества, цензурные ограничения, имевшие как внешний, так и внутренний характер.

Тем не менее, при всем многообразии оценок и мнений о сибирском областничестве совершенно четко прослеживаются две его ключевые характеристики, которые присутствуют в большинстве публикаций советских и российских исследователей, претендовавших на осмысление и оценку этого феномена. С одной стороны, областничество почти всегда называлось ими системой взглядов о месте и перспективах развития Сибири в составе России, с другой — оно неизменно возводилось в ранг общественно-политического движения.²

В порядке подтверждения сошлемся на не так давно вышедшую монографию, авторы которой, не формулируя ничего нового и солидаризируясь с утвердившимся в отечественной историографии пониманием сибирского областничества, воспроизводят такую его оценку. Областничество, заявляют они, «представляло собой систему взглядов части местной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее края, как специфической области (территории) в составе российского государства, а также общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать и реализовывать на практике эти идеи».³ В последней по времени выхода специальной монографии даже утверждается, что к 1917 году сибирское областничество доросло «до массового общественно-политического движения».⁴

По нашему мнению, процитированная выше традиционная характеристика сибирского областничества является явно надуманной, идеализирующей его, поскольку в концептуальном плане областничество так и не сложилось в систему взглядов, а в организационном отношении до осени 1917 года оно никогда не достигало уровня общественно-политического движения хотя бы регионального масштаба.

На самом деле большую часть времени сибирское областничество существовало лишь в вербальном виде. Но даже в этом своем качестве оно представляло собой слабо агрегированный набор эмпирических пред-

2 См., например, специальные монографии М.В. Шиловского: *Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX века.* Новосибирск, 1989. 144 с.; *Он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века.* Новосибирск, 1995. Вып. 1 (Областники). 136 с.; *Он же. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX века.* Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 270 с.

3 *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.).* (Серия «Азиатская Россия»). Иркутск, 2009. С. 226.

4 *Жилякова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества.* Томск: изд-во Томского университета, 2014. С. 4.

ставлений, взглядов и суждений, которые даже лидеры областничества незамысловато именовали всего лишь «сибирскими вопросами». Одни из них довольно объективно отражали реальное положение сибирской окраины в составе Российской империи в ее недавнем историческом прошлом и в настоящем, другие являлись футуристическими мечтаниями и ожиданиями, плохо коррелировавшими с действительностью, возможностями и перспективами развития России начала нового, XX века.

В начале XX века во взглядах областников на приоритетное место постепенно стал выдвигаться вопрос о Сибирской областной думе — локальном представительном органе с законодательными функциями. Впервые достаточно четко он был поставлен на сибирском областном съезде, проходившем в Томске в конце августа 1905 г. К разработке проекта положения, в котором намечалось определить компетенцию областной думы, тогда подключились высококвалифицированные специалисты, входившие в Томское юридическое общество.

В оперативно подготовленном ими проекте был обозначен перечень вопросов, которые намечалось передать в ведение Сибирской областной думы: местное бюджетное право и тарифный вопрос, народное здравоохранение, народное продовольствие, народное образование, переселенческий вопрос, заведывание находящимися на территории края путями сообщения, распоряжение областными землями и имуществами, установление норм гражданского права (кроме права обязательственного и торгового), судопроизводство и полицию безопасности, инородческий вопрос. Предполагалось также, что все органы исполнительной и судебной власти Сибири будут выборными, а выработка уставов, регламентирующих деятельность этих выборных органов, явится прерогативой областной думы.⁵ Но после поражения Первой русской революции и наступления реакции вопрос о Сибирской областной думе утратил практическое значение и, судя по всему, больше не обсуждался в областнических кругах.

Нельзя не согласиться с оценкой, которую дал теоретическим взглядам «сибирских патриотов» крупный деятель областничества, представитель его второго поколения иркутянин И.И. Серебренников. 7 апреля 1917 г. он записал в своем дневнике: «[...]Старое областничество, кроме любви к своей родине, нам ничего не оставило, так как оно никогда не предвидело столь быстрого краха самодержавного режима. Все сходится как будто бы на необходимости для Сибири известной автономии, но далее одни вкладывают в это понятие одно содержание, другие — другое. Одни

5 Право. Еженедельная юридическая газета. Санкт-Петербург, 1.10.1905. № 39. С. 3253; Крутовский Вс. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. Журнал литературный, научный и политический. Красноярск, 1917. № 1. С. 55.

полагают, что автономия Сибири должна быть устроена по централистскому принципу, другие — по федералистскому».⁶

К тому же взгляды областников получили распространение и пользовались популярностью только в узких кругах немногочисленной местной интеллигенции. Но они оставались неизвестными ни широкому слою населения Сибири, ни административно-политической элите России. Данное обстоятельство в решающей степени обусловило их не востребованность ни сибирской общественностью, ни, тем более, российской государственной властью.

В организационном отношении, несмотря на неоднократные попытки идеологов и вождей областничества сформировать объединяющую «патриотов» структуру общесибирского масштаба, оно продолжало существовать в виде разрозненных и даже разнородных в идейном отношении кружков городской интеллигенции. К тому же одни областники считали себя автономистами, другие — федералистами, различия между которыми сибирским обывателям были мало понятными.

Областничество так и не смогло преодолеть зародышевой стадии эмбрионального развития. Об этом достаточно убедительно свидетельствует перечень городов Сибири и Дальнего Востока, в которых областники открыто заявили о своем существовании весной 1917 г. Их количество не достигало и одного десятка. Вот перечень этих городов, если их перечислять с запада на восток: Курган, Омск, Новониколаевск, Томск, Канск, Иркутск, Верхнеудинск, Благовещенск и Хабаровск.⁷ К ним можно добавить еще Петроград, но это уже не Сибирь и Дальний Восток.

Все областнические кружки были малочисленные. Например, на первом собрании областников в Иркутске, состоявшемся 31 марта 1917 г., то есть почти через месяц после победы Февральской революции, присутствовало всего лишь три человека. По признанию самого патриарха «сибирских патриотов» Г.Н. Потанина, сделанному в начале 1918 г., областническая идея «была очень слабо распропагандирована в крае».⁸ У тех же сибиряков, кто был хоть немного знаком со взглядами областников, они не вызывали энтузиазма, тем более — горячего. Как с горечью

6 *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 1998. С. 330. Вс.М. Крутовский, являвшийся одним из первых историков сибирского областничества, также признавал неопределенность и противоречивость взглядов его теоретиков и идеологов. Правда, он был склонен объяснять этот недостаток не реальными расхождениями во мнениях, а внешними факторами: политическими и цензурными ограничениями царского режима, не позволявшими областникам адекватно изложить свою программу (см.: *Крутовский Вс.* Сибирь и Февральская революция // *Сибирские записки.* Красноярск, 1917. № 2. С. 146).

7 *Крутовский В.* Областное обозрение // *Сибирские записки.* Красноярск, 1917. № 3. С. 143–147.

8 *Потанин Г.* По поводу моего отказа от председательствования в Сибирском областном совете // *Сибирская жизнь* (Томск). 12.1.1918.

констатировал И.И. Серебрянников, в сибирском обществе существовал «индифферентизм к сибирским вопросам».⁹

Несмотря на это, сразу же после Февральской революции в нескольких городах Сибири и Дальнего Востока — Верхнеудинске, Ново-николаевске и Омске — областники открыто заявили не только о своем существовании, но и о своих взглядах. Они опубликовали в печати разного рода документы, в которых обосновывали возможность и необходимость предоставления Сибири статуса территориальной автономии, наделенной правом иметь собственное представительное или законодательное учреждение по вопросам местной жизни в виде Сибирской областной думы.¹⁰ Однако эти предложения остались простыми пожеланиями. Из-за недостатка авторитета у их авторов, отсутствия организационно-финансовых ресурсов и общественной поддержки они так и не были переведены в плоскость практической реализации.

Иное продолжение получило предложение о необходимости для Сибири областной думы, которое 10 мая 1917 г. внес на заседании Томского губернского народного собрания член партии социалистов-революционеров присяжный поверенный М.Б. Шатилов. Реагируя на его предложение, томский форум принял короткую резолюцию «Об областной думе». В ней говорилось, что Сибирь в силу своей обособленности от Европейской России, обширности территории, специфики климатических, этнографических и других условий имеет право на самое широкое самоуправление. Не разрывая своей органической связи с Российской республикой, она «должна иметь свою Всесибирскую областную думу, которая будет издавать законы, касающиеся внутренней жизни Сибири».¹¹

Неделю спустя, 18 мая, Томское губернное народное собрание заслушало специальный доклад комиссии по областному самоуправлению, подготовленный по инициативе фракции эсеров, с которым выступил М.Б. Шатилов. В докладе говорилось, что Сибирь «нуждается в организации областного самоуправления в форме Сибирской областной думы — местного законодательного органа по всем вопросам областной жизни, а также в форме местной, ответственной перед областной думой, администрации». Комиссия высказала мнение, что законоположение о сибирском областном самоуправлении, характер взаимоотношений Сибирской областной думы с будущим российским парламентом и правительством должны быть разработаны Всероссийским Учредительным собранием. Она изложила также свои соображения относительно разграничения компетенции центральных органов власти и управления, с одной стороны, и сибирского самоуправления — с другой.

9 *Серебрянников*. Претерпев судеб удары. С. 368.

10 *К[рутовский] В.* Областное обозрение // *Сибирские записки*. 1917. № 3. С. 143-151.

11 *Сибирская жизнь*. 18.5.1917; *Голос свободы* (Томск). 20.5.1917.

Комиссия — видимо, опираясь на проект 1905 года, — предложила к компетенции Сибирской областной думы отнести сибирский бюджет и установление местных налогов; право на взимание пошлин на товары, ввозимые из-за границы, и на заключение торговых договоров с другими государствами; право пользования и распоряжения всеми землями области, являющимися частью общегосударственного фонда, с их лесами, водам и недрами; определение порядка землепользования; колонизационный вопрос во всем его объеме; право участия в установлении тарифов; промышленный и сельскохозяйственный вопросы; местные пути сообщения, за исключением стратегических; народное здравоохранение и образование; местное уголовное и гражданское законодательство; обеспечение общественной безопасности; инородческий вопрос, а также все остальные сибирские вопросы, не подлежащие ведению российского парламента.

Наконец, комиссия предложила губернскому народному собранию поручить его исполнительному комитету созвать в ближайшем будущем в Томске общесибирский областной съезд «для детальной разработки основных положений областного самоопределения Сибири, которые и должны быть внесены в Учредительное собрание Российской республики».

Несмотря на острую дискуссию и возражения со стороны социал-демократов (меньшевиков В.П. Денисова, А.А. Наумова и большевика С.И. Канатчикова) основные положения доклада комиссии были приняты Томским губернским народным собранием как пожелание для будущего областного съезда, а последний пункт — как постановление, обязательное для исполнительного комитета к исполнению.¹² Майские резолюции Томского губернского народного собрания открыли новый этап в истории областничества, когда центр тяжести в деятельности «патриотов» мог сместиться с теоретического обоснования необходимости широкой областной автономии Сибири в составе России, венцом которой должна была стать Сибирская областная дума, на практическую работу по организации последней.

АВГУСТОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ

По признанию Г.Н. Потанина, Сибирская областная дума была «давнишней мыслью» и «давней мечтой» патриотов края.¹³ Поэтому решение Томского губернского народного собрания о необходимости добиваться

12 Голос свободы. Орган Томского губернского народного собрания. Томск. 16.6.1917; Сибирская жизнь. 3.6.1917 и 2.8.1917; Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20.4.1917 по 18.5.1917). Томск, 1917. Раздел седьмой. С. 2-3.

13 Потанин Г. Признания областника // Сибирская жизнь. 14.9.1917.

учреждения для Сибири областной думы с законодательными правами было встречено Г.Н. Потаниным и его единомышленниками с энтузиазмом. Сам Григорий Николаевич немедленно откликнулся на это решение пространной статьей, 15 июня 1917 г. опубликованной в томской «Сибирской жизни» — в то время самой популярной и многотиражной газете края.

В статье Г.Н. Потанин дал довольно развернутую картину того, как он мыслит себе послереволюционное устройство России и место в ней Сибири. «Задача нашего времени, — считал Г.Н. Потанин, — приблизить законодательную власть к обывателю, по возможности, в большей или меньшей мере, каждого обывателя превратить в законодателя».

Для этого Г.Н. Потанин предлагал превратить Россию в федеративную республику с предоставлением территориям, имевшим ярко выраженную специфику, населенным национальными меньшинствами или территориально удаленным, статуса автономий. «Сибирские областники, — писал Григорий Николаевич, — сознавая себя членами русского народа и не желая с ним порвать связь, распространяют свой идеал на всё государство; они мечтают, что вся Россия будет разделена на области, что у каждой области будет свой парламент и свои министерства и что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей этой федерацией будет стоять объединяющая Государственная дума. Общегосударственные вопросы будут выделены из компетенции областных дум. Учредительное собрание установит пределы, в которых будет происходить законодательная деятельность центральной думы и областных дум».

Что касается конкретно Сибири, то, по мнению Г.Н. Потанина, главная задача ее областной думы будет заключаться «в выяснении конфликтов с государством и в открытии способов к их устранению. Областная интеллигенция должна выработать достойный язык для разговора с центром, язык, который внушал бы уважение к областному представительству».¹⁴

Работа по подготовке общесибирского областного съезда, однако, с самого начала не заладилась. Скорее всего, идея возложить эту миссию на исполком Томского губернского народного собрания была изначально не самой лучшей. Дело в том, что исполком, состоявший из 16 человек (13 членов и три кандидата), и без того с большим трудом справлялся со своими непосредственными обязанностями по руководству губернией. К тому же в его составе противников создания Сибирской областной думы было больше (в их число входили уже упоминавшиеся В.П. Денисов, С.И. Канатчиков и А.А. Наумов), чем ее сторонников. Последних было всего два человека — эсеры В.С. Сизиков и М.Б. Шатилов.

14 Потанин Г. Прекрасный финал // Сибирская жизнь. 15.6.1917. Вскоре статья была полностью переиздана в красноярском журнале «Сибирские записки» (1917. № 3. С. 152–160).

Более того, исполком Томского губернского народного собрания решил использовать предстоящий областной съезд для решения ряда других, к тому времени обострившихся в губернии, проблем. Не проведя консультаций с Г.Н. Потаниным и его окружением, он дополнительно включил в повестку дня съезда, открытие которого было назначено в Томске на 1 августа 1917 г., еще несколько вопросов: продовольственный, о состоянии промышленности, торговли и транспорта, о демобилизации армии, о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, которые требовали специальной подготовки и созыва совершенно другого делегатского корпуса. Телеграфную информацию о созыве съезда и о программе его работы исполком направил только десяти комитетам общественной безопасности губернских и областных административных центров Сибири и Дальнего Востока довольно поздно, 22 июня. Все это вызвало вполне обоснованное недовольство окружения Г.Н. Потанина. В результате ко 2 августа в Томск прибыло всего 67 человек, только 63 из которых мандатная комиссия признала полноценными делегатами.¹⁵

Затем количество делегатов увеличилось до 78. Но большинство из них являлись представителями Томска и Томской губернии: соответственно 40 и 15 человек, тогда как Алтайская и Иркутская губернии были представлены только пятью делегатами каждая, Енисейская — четырьмя, Тобольская — двумя, Акимовская область — тремя, Семипалатинская область — одним делегатом.¹⁶ Отсутствовали представители Забайкальской и Якутской областей и всего Дальнего Востока. Местная общественность к мероприятию отнеслась также прохладно, о чем свидетельствовал полупустой актовый зал Томского университета, где состоялось его открытие.

Состав участников собрания был исключительно разнородным. Здесь были делегаты от местных комитетов и отделов разных политических партий (Бунда, народной свободы, народных социалистов, социал-демократов, эсеров), от уездных и городских исполнительных комитетов, городских дум и земских управ, разного рода Советов и обществ, высших учебных заведений, кооперативных организаций и профессиональных союзов. Среди них были как рьяные сторонники автономии Сибири и Сибирской областной думы, так и их противники, а также не определившиеся в данной теме. Такой состав собрания предвещал острую борьбу и не гарантировал того, что по обсуждаемым вопросам будет достигнут консенсус.

Собственно областников в числе делегатов было мало. Это были представители второго поколения патриотов Сибири редактор «Сибирской жизни» А.В. Адрианов, имевший мандат от Томского исполнительного комитета трудовой народно-социалистической партии, и якутянин

15 Сибирская жизнь. 30.7.1917, 3.8.1917, 4.8.1917 и 5.8.1917.

16 Список участников съезда и делегировавших их общественных организаций см.: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО), ф. д-143, оп. 1, д. 28, л. 15–16.

В.М. Попов, делегированный иркутской группой Сибирского союза областников-автономистов, а также представитель третьего поколения областников А.Б. Меерович, имевший полномочия от иркутской группы республиканцев-федералистов. Недомогавший Г.Н. Потанин на открытии мероприятия не присутствовал, но заочно был избран его почетным председателем, что являлось выражением признательности его заслуг и авторитета. Григорий Николаевич смог присутствовать только на последнем, заключительном заседании собрания.

Третьего августа после проверки мандатов и установления полноты представительства собрания был сформирован его президиум. Председателем был избран делегат Томского городского народного собрания эсер Г.М. Марков, товарищами председателя — представитель Нижнеудинской городской управы социал-демократ меньшевик К.И. Лукс (К.Я. Люкс), посланец Ачинской городской думы эсер Ф.С. Борисов и делегат Иркутского бурятского национального комитета эсер Б.Г. Вампилун, секретарями — помощник присяжного поверенного Е.В. Захаров, имевший мандат от томской городской организации эсеров, помощник присяжного поверенного меньшевик-оборонец Н.Л. Круликовский, делегированный Бийским городским исполнительным комитетом, и эсер С.Д. Майнагашев, представлявший инородческий съезд Минусинского уезда.

После этого собрание вернулось к обсуждению вопроса о своем статусе. Оно посчитало, что из-за ограниченности представительства не имеет права называться общесибирским областным съездом и конституировалось как предварительная конференция. С учетом этой существенной корректировки были внесены изменения и в повестку дня, в которой осталось всего четыре вопроса: областное устройство Сибири и местное самоуправление, организация общесибирского съезда, текущий политический момент, избрание делегата на «окраинный съезд» в Киеве, назначенный на 15 августа.

По предложению Г.М. Маркова во избежание обвинений сибиряков-областников в сепаратизме было решено от имени конференции послать телеграмму на имя министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского и в адрес Петроградского совета. Ее текст гласил: «Делегаты шести губерний и областей, съехавшись на сибирский областной съезд в Томске для выработки проекта положения об областной автономии, выражают готовность поддержать Временное правительство в осуществлении революционных задач и скорейшего созыва Учредительного собрания, которое как полновластный хозяин России даст Сибири долгожданную автономию. Выражаем уверенность, что заветные мечты сибиряков об областной автономии встретят полную поддержку Временного правительства к взаимному благу России и ее обширнейшей окраины».¹⁷

17 Сибирская жизнь. 5.8.1917.

Главным событием конференции стали доклады И.И. Серебренникова об автономии Сибири¹⁸ и Е.В. Захарова «Основные начала автономного устройства Сибири»,¹⁹ а также развернувшиеся по этим докладам прения. В ходе дискуссии выявились три главных вопроса, по которым мнения конферентов разошлись: об отношении к автономии Сибири; об отношении к федеративному принципу устройства России и Сибири; о компетенции Сибирской областной думы.

Большинство выступавших поддержало докладчиков и высказалось за автономию Сибири. Даже меньшевик П.Ф. Казанский, делегированный городским народным собранием Барнаула, и томский большевик А.Ф. Иванов с оговорками, но солидаризировались с этим требованием. Категорически против предоставления Сибири автономии выступили только посланец Курганской городской думы социал-демократ К.Г. Бронтман и Н.Л. Круликовский.

За устройство России и Сибири по типу федерации высказалось большинство принявших участие в прениях. Наиболее развернутую аргументацию за использование в России федеративного принципа организации территории и государства привел юрист, профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский, который позиционировал себя как беспартийного социалиста и в то же время областника. При этом Н.Я. Новомбергский ссылаясь на исторический опыт использования федеративной системы в Австро-Венгрии, Великобритании, Канаде, Северо-Американских соединенных штатах и Швейцарии.

За федеративное устройство Сибири особенно решительно ратовал С.Д. Майнагашев. «Из всего, что говорилось на предыдущих заседаниях съезда, — утверждал он 5 августа, — видно, что главной идеей областников есть Сибирская областная дума, но этого недостаточно, нужно идти дальше — к национальным и территориальным думам. [...] Для Сибири в настоящее время такие думы крайне необходимы». От имени минусинских инородцев С.Д. Майнагашев заявил «о необходимости для Сибири областной думы, которая передала бы свои верховные права отдельным областям и национальностям».²⁰

Чтобы ускорить работу конференции и облегчить подготовку ее итоговых документов, 7 августа была избрана специальная комиссия, в которую вошли представители всех фракций и течений. Комиссия за основу проекта постановления приняла доклад Е.В. Захарова об основных

18 Сам И.И. Серебренников на конференции не присутствовал, но представил доклад, который по его поручению озвучил А.Б. Меерович. Скорее всего, этот доклад являлся повторением выступления, сделанного И.И. Серебренниковым на первом собрании областников-автономистов в Иркутске 21 мая 1917 г. и позднее опубликованного отдельной брошюрой (см.: Об автономии Сибири. Иркутск: Коммерческая электротип., 1917. – 15 с. (Б-ка сиб. областников-автономистов; [вып.] 1).

19 Тезисы доклада Е.В. Захарова см.: ГАНУ, ф. п-5, оп. 4, д. 659, л. 1-3.

20 Сибирская жизнь. 9.8.1917.

началах автономного устройства Сибири, в который при его постатейном обсуждении вносились коррективы, высказанные членами комиссии и получившие поддержку ее большинства. Затем проект постановления подвергся обсуждению на пленарном заседании конференции. В него были внесены дополнительные изменения и уточнения.

Уже в докладе Е.В. Захарова прозвучало поддержанное затем конференцией предложение о том, что в силу недостаточной представительности конференции ее делегатам следует отказаться от мысли немедленно подготовить проект конституции автономной Сибири, а правильное наметить в форме постановлений только основные положения желательного и возможного областного устройства, которые могут лечь в основу решений следующего съезда «специально уполномоченных и надлежащим образом выбранных представителей губерний и областей Сибири для составления проекта конституции Сибири, подлежащего внесению в Учредительное собрание».

Ключевые положения, которые были предложены комиссией и вошли в итоговый документ, сводились к тому, что Россия в силу ее огромной территории, разнообразия природно-климатических, этнографических, социальных и иных объективных условий нуждается в децентрализации власти, возможно — в организации всей страны по типу федеративной республики, но, как минимум, в предоставлении автономии национальностям и территориям, в том числе — Сибири.

Конференция посчитала, что автономное устройство Сибири ни в коем случае не должно соответствовать понятию «власти местной» и рассматриваться «как особый тип областного самоуправления». Она постановила, что Сибирь в качестве автономной единицы «должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях». Одновременно, чтобы снять всякие подозрения в сепаратизме сибиряков, конференция в своем постановлении записала: «Утверждая необходимость создания для Сибири народного представительства с самостоятельной законодательной властью, мы отнюдь не посягаем на целостность русской республики».

В постановлении конференции было сформулировано предложение о разграничении пределов полномочий верховной законодательной власти в лице общероссийского парламента и народного представительства Сибири в виде областной думы.

Конференция пришла к выводу, что вопрос о точном определении компетенции Сибирской областной думы должен обсудить и решить специальный съезд представителей губерний и областей Сибири, который подготовит соответствующий проект документа для Всероссийского Учредительного собрания. Тем не менее, она сформулировала примерный перечень вопросов, которые посчитала подлежащими исключительному ведению Сибирской областной думы.

Что касается других ветвей власти, то, по мнению конференции, высшим для Сибири исполнительным органом должен быть кабинет министров, действующий с солидарной политической ответственностью перед Сибирской областной думой, но с заведыванием каждым министром определенной отраслью управления.

В судебной сфере конференция высказалась за учреждение для Сибири особого сената, а также за то, чтобы предоставить аборигенному населению наибольший простор в развитии «самобытных начал судебного устройства».

По мнению конференции, перспективы развития сибирской автономии должны были определиться дальнейшим «ходом событий». Не исключалось, что при расширении пределов автономии будет осуществлена передача части принадлежащих Сибирской областной думе полномочий тем или иным территориям и национальностям. Другими словами, допускалось, что Сибирь сама «превратится в федерацию, т.е. в союз областей и национальностей, пользующихся более или менее широкой автономией».

Большинством голосов конференция общественных организаций приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири». Не поддержала этот документ только фракция социал-демократов, четверо членов которой проголосовали против и двое воздержались.²¹

В последний день работы, 9 августа, конференция обсудила и приняла проекты еще двух документов, разработанные комиссией. Один из них — это «Положение о созыве съезда представителей губерний и областей Сибири». На съезде предполагалось вновь, но на этот раз в более широкой и в максимально представительной аудитории обсудить вопрос об автономном устройстве Сибири и подготовить соответствующий законопроект для его последующего внесения во Всероссийское Учредительное собрание. Кроме того, в тесной связи с будущим автономным статусом Сибири намечалось рассмотреть вопросы об объединении ресурсов края в сфере земского хозяйства, финансов и земельного дела.

Задача заключалась в том, чтобы обеспечить представительство на съезде от всей Сибири и, тем самым, повысить легитимность принятия его решений. Поскольку в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание произвести прямые выборы на съезд не представлялось возможным, комиссия предложила и конференция согласилась заменить их представительством от тех организаций губерний и областей, которые «наилучшим образом отражают политические и социальные интересы населения».

К числу таких организаций в принятом конференцией «Положении о созыве съезда представителей губерний и областей Сибири» были от-

21 Сибирская жизнь. 13.8.1917.

несены все губернские организации политических партий, губернские и областные земельные и продовольственные комитеты, самостоятельные союзы кооперативов и биржевые комитеты, высшие учебные заведения, ученые общества, общества изучения Сибири и сибирские общественные организации, находящиеся вне Сибири, каждая из которых получила право послать на съезд по одному делегату; уездные и губернские земские собрания, городские думы, уездные Советы крестьянских депутатов, уездные и городские Советы рабочих и солдатских депутатов, губернские Советы крестьянских депутатов, губернские Советы рабочих и солдатских депутатов, каждый из которых получил право послать на съезд двух делегатов; областные (объединяющие несколько губерний) Советы рабочих и солдатских депутатов, казачьи войска — по три делегата каждое; областные (объединяющие несколько губерний) Советы крестьянских депутатов и объединенные национальные организации — по пять делегатов каждая.²²

Другой проект документа, который по предложению комиссии рассмотрела и утвердила конференция, являлся Уставом Сибирского организационного комитета. Сибирский организационный комитет изначально намечалось учредить главным образом для подготовки и проведения общесибирского съезда представителей губерний и областей. В то же время Устав возлагал на него обязанности по изданию материалов августовской конференции общественных организаций и других документов об автономном устройстве Сибири, об объединении деятельности общественных организаций в сфере земского хозяйства, финансовой области и земельной реформы.

В соответствии с Уставом для выполнения этих задач Сибирскому организационному комитету разрешалось иметь свой печатный орган, от имени конференции общественных организаций обращаться с воззваниями к населению, вносить предложения в административные и иные органы, предоставлено право входить в сношения с Временным правительством и общественными структурами по вопросам, связанным с подготовкой общесибирского съезда.

Согласно Уставу, местом пребывания Сибирского организационного комитета, которому присваивалось наименование «Центрального», был определен Томск. Формирование состава Центрального Сибирского организационного комитета объявлялось прерогативой текущей конференции. В губернских, областных, уездных и других городах намечалось организовать его отделения, в которые рекомендовалось включать представителей местных Советов, земских собраний, городских дум, партийных и иных общественных организаций.

22 Сибирская жизнь. 15.8.1917; Известия Сибирского организационного комитета. Орган Центр[ального] Сиб[ирского] организ[ационного] комитета. Томск, 8.9.1917. № 1. С. 12–13.

Деловая часть конференции завершилась созданием Центрального Сибирского организационного комитета, в который были избраны 24 человека. В ходе короткой дискуссии относительно принципов его формирования была достигнута договоренность о том, что в нем должны быть представлены «все течения политической мысли». Тем не менее, большинство мест в Оргкомитете получили областники. Почти все они, за исключением Г.Н. Потанина, В.М. Попова и М.Б. Шатилова, были представителями нового, третьего поколения патриотов Сибири, являвшимися членами партии эсеров.

Для оперативного руководства работой по подготовке общесибирского съезда, провести который конференции постановила не позднее 15 октября, Центральный Сибирский организационный комитет сформировал свой президиум. В его состав были избраны Г.П. Потанин — председателем, Е.В. Захаров, Н.Я. Новомбергский и М.Б. Шатилов — товарищами председателя, Г.М. Марков, Д.Ф. Портнягин и М.П. Рудаков — членами. Пятеро из семи членов президиума являлись членами партии эсеров.

Таким образом, августовская 1917 года конференция общественных организаций стала крупнейшим событием в истории сибирского областничества. На ней вопрос о Сибирской областной думе впервые подвергся публичному обсуждению, а требования патриотов об автономии Сибири и учреждении Думы получили поддержку со стороны значительной части местных общественно-политических структур. В результате областничество стало превращаться в межпартийное объединение и поднялось на более высокую ступень своего развития, стало приобретать признаки и параметры общественно-политического движения. В решающей мере такая перемена стала возможной в силу совпадения взглядов организаций «старых» областников и партии эсеров по вопросам реформирования государственного устройства послереволюционной России.

С созданием Центрального Сибирского организационного комитета областники впервые обрели структуру, опирающуюся в основном на моральный авторитет, но, тем не менее, наделенную полномочиями осуществлять руководящие и координирующие функции по отношению к реальным и потенциальным участникам запланированного общесибирского съезда. Правда, цена, которую патриотам Сибири пришлось заплатить за эти инновации, оказалась исключительно высокой. Областничество начало довольно быстро наполняться другим идейно-политическим содержанием и трансформироваться в «новое областничество». В нем «старые» областники, особенно принадлежавшие ко второму поколению, стали постепенно утрачивать свое влияние, а их роль — сводиться в основном к декоративной функции. Ключевые позиции решительно и быстро заняла новая, более молодая и энергичная, третья генерация областников в основном эсеровского типа.

ОКТАБРЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ

Избранный на конференции президиум Центрального Сибирского организационного комитета энергично приступил к работе по выполнению возложенных на него обязанностей. Несмотря на перегруженность большинства его членов по основному месту работы, с 16 августа по 7 октября 1917 г. он провел девять заседаний, как минимум, на четырех из которых присутствовал даже больной Г.Н. Потанин. На заседаниях Оргкомитета обсуждались все организационные и финансовые вопросы, рассматривались и утверждались проекты различных документов (воззваний, инструкций, писем, обращений, телеграмм), которые потом рассылались за подписью Оргкомитета или его малого президиума в составе Г.Н. Потанина, Е.В. Захарова и Д.Ф. Портнягина. 22 августа Оргкомитет назначил дату созыва областного съезда — 8 октября, руководствуясь тем, чтобы между окончанием его работы и началом кампании по выборам в Учредительное собрание останется достаточный срок. Подлинным «мотором» Оргкомитета являлся 26-летний помощник присяжного поверенного Е.В. Захаров, совсем недавно окончивший юридический факультет Петроградского университета. Он был автором большинства проектов документов, редактором большей части материалов, нес обязанности казначея. В одной из комнат его квартиры в доме № 16 Никольского переулка проходили все заседания Оргкомитета и размещалась редколлегия журнала Оргкомитета.²³

Прежде всего Оргкомитет безотлагательно информировал Временное правительство, его министерство внутренних дел, периодическую печать и сибирскую общественность о работе конференции и о ее результатах. Оперативно сделать это было исключительно важно еще и потому, что даже в умеренной социалистической прессе, не говоря уже о большевистской и кадетской, быстро появились публикации, превратно трактовавшие решения конференции. Например, в № 131 газеты «Дело народа», являвшейся центральным органом партии эсеров, была опубликована статья члена редколлегии этой газеты и члена ЦК партии В.В. Лункевича, в которой позиция сибиряков отождествлялась с позицией Украины и Финляндии.

Президиум Оргкомитета подготовил и отправил в ЦК эсеров и в газету «Дело народа» специальные письма за подписями Г.Н. Потанина, Е.В. Захарова и Д.Ф. Портнягина. В заключительной части письма, адресованного редколлегии газеты, говорилось: «Мы ни мало не сомневаемся, что мысль о сепаратизме исчезнет, как только все ознакомятся с постановлениями Томской конференции, а русское общество поймет законность стремления живых сил Сибири продолжать последовательную работу в

23 ГАНУ, ф. д-143, оп. 1, д. 27, л. 51-60.

предвидении, что Учредительное собрание пойдет навстречу насущнейшим интересам обширнейшей из окраин». ²⁴

Напечатанные типографским способом постановления конференции по вопросу об автономном устройстве Сибири, положение о созыве съезда представителей губерний и областей Сибири, устав Сибирского организационного комитета, список избранных в него членов и состав президиума Центрального Сибирского организационного комитета были разосланы местным общественным организациям. Кроме того, президиум Оргкомитета обратился к редакциям сибирских газет с просьбой переиздать материалы конференции в виде особых выпусков газет или в качестве особых приложений.

Одновременно столь же важно было донести до всех участников российского политического процесса смысл и назначение подготавливаемого областного съезда. «Центром внимания предстоящего съезда, — разъяснял Оргкомитет в письме на имя министра внутренних дел, — будет вопрос о форме областного устройства. В сознании важности этого вопроса и в глубоком убеждении, что только Учредительное собрание может разрешить этот вопрос, мы в то же время считаем, что сибирское общество должно приложить все усилия к тому, чтобы вопрос этот при его разрешении был обставлен надлежащими материалами». ²⁵

16 августа Оргкомитет утвердил и 26–27 августа разослал примерно 550 общественным организациям Сибири, имевшим право участвовать в работе съезда, специальное обращение. В нем акцентировалось внимание на том, что сейчас актуализировался «вопрос о форме сибир[ского] областного устройства». Именно поэтому съезду «предстоит исполнить лежащую на общественных организациях демократической России обязанность обсудить на основании собранных материалов этот вопрос и представить в Учредительное собрание свои соображения. Только при этом условии Учредительное собрание будет располагать надлежащим материалом для своих суждений [...]». ²⁶

В целях расширения своего актива на местах президиум Оргкомитета кооптировал в состав Оргкомитета в качестве его членов 56 известных общественных деятелей, в том числе бывших депутатов Государственной думы С.В. Востротина, В.И. Дзюбинского и Н.В. Некрасова (Петроград), художника Г.И. Гуркина (Бийск), журналиста М.О. Курского (Барнаул), председателя Енисейского губернского земельного комитета Н.Н. Козьмина (Красноярск), журналиста М.А. Колобова (Чита), журналиста В.Ф. Костюрина (Тобольск), Енисейского губернского комиссара Временного правительства Вл.М. Крутовского (Красноярск), члена Якутского областного комитета общественной безопасности и областной земской управы

24 Известия Сибирского организационного комитета. Томск, 8.9.1917. № 1. С. 7–8.

25 Там же. С. 8.

26 Там же. С. 16.

Г.В. Ксенофонтова, юриста Г.Б. Патушинского (Петроград), секретаря Иркутской городской думы И.И. Серебренникова, журналиста А.И. Шапошникова (Барнаул), находившегося в действующей армии барнаульского педагога Л.И. Шумиловского, члена Иркутской городской управы И.А. Якушева.

С помощью членов Сибирского организационного комитета, живущих за пределами Томска, президиум смог создать на местах 18 отделений Оргкомитета, возложив на них работу по распространению идей автономного устройства Сибири, по содействию созыву съезда, по сбору и первичной обработке материалов для съезда. Редакции сибирских газет президиум Оргкомитета попросил максимально содействовать широкому распространению материалов по созыву съезда и подготовке съезда, а сибирские партийные организации эсеров — помочь распространению рассылаемых на места резолюций конференции и организации отделений Оргкомитета.

Силами президиума Оргкомитета был подготовлен и издан журнал «Известия Сибирского организационного комитета», содержащий статьи Г.Н. Потанина, Е.В. Захарова, Н.Я. Новомбергского, Д.Ф. Портнягина и М.П. Рудакова, резолюции августовской конференции, информацию о деятельности самого президиума и подготовительные материалы к съезду. Как считал Вл.М. Крутовский, эти «Известия», распространенные в большом количестве экземпляров, «явились связывающим звеном комитета со всеми другими общественными ячейками Сибири, вызвали к жизни новые организации и дали толчок к проявлению областнических идей в широкой массе сибирского населения». Сам же Оргкомитет, по оценке Вл.М. Крутовского, «успел завести живые сношения со всеми общественными организациями Сибири, со всеми живыми ячейками самых отдаленных мест нашей родины».²⁷

Открытие первого Сибирского областного съезда состоялось 8 октября 1917 г. в зале библиотеки Томского университета. К этому времени из ожидавшихся примерно двухсот делегатов приехало только 66 человек. Остальные задерживались из-за дальности расстояний и плохой работы транспорта. Однако у Оргкомитета была твердая уверенность, что на этот раз съезд будет полноценный, а его решения — авторитетными. В окружении Г.Н. Потанина царила если не эйфория, то, как минимум, радость, что съезд состоится. Даже А.В. Адрианов, наиболее недовольный тем, что «молодые» областники перехватили инициативу у старших товарищей, в своей приветственной речи по случаю открытия съезда заявил: «Сегодня заканчивается история старой, обездоленной Сибири и пишется первая глава истории новой Сибири».²⁸

27 К[рутовский] В. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 114.

28 Сибирская жизнь. 10.10.1917.

В конечном счете на съезд приехало около 220 человек. К 15 октября мандатная комиссия съезда признала 211 из них имеющими право решающего голоса и семь человек — совещательный голос. 182 делегата заполнили предложенные им анкеты, на основании которых можно судить об их составе.

Делегаты прибыли из 33 городов Сибири, Дальнего Востока и Степного края, начиная от Кустаная Тургайской области на западе до Владивостока на востоке, от Якутска на севере до Верного Семиреченской области на юге. Больше всего делегатов было из Томской (54) и Алтайской (26) губерний и Акмолинской (25) области, меньше — из Якутской (три) и Амурской областей (один). Отсутствовали делегаты из самых отдаленных и малонаселенных Камчатской и Сахалинской областей.

По национальности более половины составляли русские — 115 человек, дальше следовали украинцы (18) и татары (16). Среди делегатов были алтайцы, белорусы, буряты, евреи, киргизы (казахи), немцы, поляки и телеуты. 87 делегатов (48,0 %) родились в Сибири, тогда как остальные были выходцами из европейской России.

В совокупности самое большое количество делегатов — 60 человек — послали на съезд Советы: Советы крестьянских депутатов — 25, Советы солдатских депутатов — 18, Советы рабочих депутатов — 17. Национальные организации делегировали 27 человек, городские думы — 19, органы земского самоуправления — 18, разные учреждения — 17, политические партии — 15, профсоюзы — 10, кооперативные союзы — пять, высшие учебные заведения и казачьи войска — по три, Центральный Сибирский оргкомитет и ученые общества — по два, биржи — одного.

Среди делегатов были представители разных профессий. Но больше всего оказалось хлебопашцев (29 человек), учащихся (11), адвокатов, конторщиков и учителей (по 10 человек). Из указавших свой образовательный уровень 43 делегата имели начальное образование, 22 — низшее, 28 — среднее и 41 высшее, в том числе 30 — университетское.

Из 176 делегатов, которые назвали свою партийность, 72 являлись эсерами и 22 сочувствующими этой партии, 16 — членами РСДРП (меньшевиков) и пять сочувствующими ей, 10 — членами трудовой народно-социалистической партии и двое сочувствующими, семеро — социалистами-федералистами, пятеро — членами конституционно-демократической партии, трое — членами РСДРП (большевиков) и один сочувствующий, 20 — беспартийными, семеро назвали себя беспартийными социалистами, среди остальных были два члена киргизской партии Алаш, два народовольца, по одному областнику-автономисту и сионисту.²⁹ Со-

29 Государственный архив Томской области, ф. р-552, оп. 1, д. 1. л. 15–24. Этим сионистом была единственная среди делегатов съезда женщина – 29-летняя иркутянка Г.М. Штут-Кац.

вершено очевидно, что столь разнородный в партийно-политическом отношении съезд не мог не превратиться в арену острой борьбы.

В то же время можно утверждать, что съезд действительно имел право называться общесибирским не только с точки зрения представительства территориального. Он в основном отвечал этому критерию также по национальному и профессиональному параметрам. Однако явно завышенным было представительство на съезде от партии эсеров и от Советов, особенно солдатских и рабочих депутатов. Доминирование эсеров можно объяснить их высокой активностью и стремлением использовать съезд не только для претворения в жизнь своих программных положений, но и для упрочения позиций в усиливавшемся областническом движении. Что же касается непропорционально большого количества делегатов, прибывших на областной съезд от Советов, то здесь сказалась совокупность разнородных факторов, в том числе влияние эсеров в Советах Сибири, отсутствие у Советов реальных дел, которые замещались участием его представителей в разного рода общественно-политических мероприятиях, и др.

В адрес съезда пришло много поздравительных приветствий. Принципиально важно, что в их числе была и телеграмма министра внутренних дел А.М. Никитина. Пожелав от имени Временного правительства съезду успеха, А.М. Никитин сообщил, что правительство «рассчитывает на существенную его помощь в деле подготовки материалов, необходимых к Учредительному собранию для той реформы, которая вызовет к жизни богатые силы Сибирского края на пользу местного населения и всей России». Это означало, что обвинение в сепаратизме сибирякам со стороны центральной власти не грозит. Напротив, их мероприятие оказалось в русле той политики, которую проводило правительство.

Более того, правительство само нуждалось в поддержке со стороны съезда и не скрывало этого. В присланной министром А.М. Никитиным телеграмме говорилось: «Временное правительство надеется также, что съезд пробудит в сибирском населении тревогу за судьбу родины, гибнущей от анархии, и что он призовет население к деятельной поддержке на местах правительственной власти, которая бессильна без содействия организованного населения противодействовать растущему разложению страны».³⁰

Подготовленная президиумом Оргкомитета программа съезда была обширной. Первоначально она включала в себя отчет Центрального Сибирского оргкомитета и семь докладов: 1) Сибирь как составная единица Российской федеративной республики, 2) Очерк истории автономных колоний Англии, 3) Основные положения автономного областного устройства Сибири, 4) Национальный вопрос в Сибири, 5) Об образовании общесибирского экономического органа, объединяющего эконо-

30 Сибирская жизнь. 11.10.1917.

мическую и хозяйственную деятельность городов, земств, кооперативов и продовольственных комитетов, 6) Земельный вопрос в связи с грядущей земельной реформой, 7) Создание общесибирской организации для разработки материалов, необходимых Учредительному собранию по вопросам Сибири и для обсуждения законодательных предположений, относящихся до Сибири. Планировалось прения по всем докладам на пленумах и на секционных заседаниях. Программа съезда изначально была рассчитана на девять дней работы. Эта программа была предложена делегатам съезда его временным президиумом.³¹

Реально главное время и внимание делегатов съезда заняли два доклада: «Сибирь как составная единица Российской федеративной республики» и «Основные положения автономного областного устройства Сибири», с которыми выступили М.Б. Шатилов и Е.В. Захаров. Первый доклад был очень пространный и имел ознакомительный характер. В нем М.Б. Шатилов рассказал делегатам историю областничества и поведал обо всех проектах областного устройства Сибири, которые когда-либо высказывались за триста лет ее пребывания в составе России. Принципиально иной характер и содержание носил доклад Е.В. Захарова. Его концептуальный каркас составили основные положения, содержащиеся в постановлении августовской конференции по вопросу об автономном устройстве Сибири. Е.В. Захаров озвучивал пункт за пунктом решение августовской конференции, подробно разъяснял значение и приводил дополнительные аргументы в их пользу.

В прениях по докладу Е.В. Захарова на пленарном заседании выступили представители фракций социал-демократов и эсеров, от группы членов партии народной свободы и от национальных групп. Как и на августовской конференции, делегаты разошлись во мнениях примерно по тем же вопросам: о необходимости автономии для Сибири и об отношении к федеративному принципу устройства России и Сибири.

Большинство выступавших поддержали докладчика по всем основным вопросам. Так, член Якутского трудового союза федералистов С.А. Новгородов говорил: «Сибирь в политическом отношении должна быть организована на началах полной автономии во главе с Сибирской областной думой с законодательными правами».³²

Но среди присутствовавших нашлись и решительные противники «патриотов». Первым наиболее резко выступил представитель Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов беспартийный И.И. Панов, который назвал автономию Сибири «чисто буржуазной затеей, имеющей в виду установление собственного политического господства». От имени исполкома Совета он утверждал, что сибирская автономия «не в интересах не только демократии вообще, но и демократии сибирской», вы-

31 ГАНУ, ф. п-5, оп. 4, д. 659, л. 14-15.

32 Сибирская жизнь. 14.10.1917.

сказался против сибирской автономии, заявив, что «широкое областное самоуправление в рамках демократической республики в достаточной мере обеспечивает развитие местных особенностей Сибири и ее творческих сил».

Объединенная социал-демократическая фракция, единодушно высказавшаяся против устройства России и Сибири по образцу федерации, раскололась по вопросу об автономии Сибири: большинство было за автономию, меньшинство — против. Несогласные с большинством фракции и съезда пять социал-демократов, четверо из которых были делегированы Советами рабочих и солдатских депутатов, покинули его, заявив, что они предостерегают всех, «кому дороги интересы демократии, от поддержки “областничества”, питаемого буржуазными вожделениями».³³

Со ссылкой на резолюцию 2-го войскового съезда Сибирского казачьего съезда против федеративного принципа устройства России, назвав, однако, его «идеалом, к которому следует стремиться», и против автономии Сибири выступил представитель Сибирского казачьего войска член партии конституционный демократ Е.П. Березовский. Свое отрицательное отношение к такому варианту устройства России и Сибири он мотивировал тяжестью текущего момента.

Представитель томских кадетов юрист И.А. Некрасов ограничился теоретическими рассуждениями о федерации и автономии, отметив, что в России федерация «может повести к разъединению», тогда как «при автономном же устройстве разобщенность отсутствует, так как в центральную власть войдут представители областей». Что касается конкретно Сибирской областной думы, то ее учреждение в условиях финансового кризиса И.А. Некрасов посчитал нецелесообразным, поскольку «она явится тяжелой обузой для населения, так как потребует больших расходов».

Вопрос же о компетенции Сибирской областной думы не вызвал со стороны делегатов съезда никакой критики. Единственное замечание последовало только со стороны представителя Семипалатинского киргизского национального комитета Р.М. Марсекова, посчитавшего, что разграничение между Российским парламентом и Сибирской областной думой «должно быть [прописано] в общих выражениях, ибо детальное изложение внесет неясность; кроме того, невозможно и предусмотреть всего».

После дискуссии по докладу Е.В. Захарова на двух пленарных заседаниях съезда постановление томской конференции об автономном устройстве Сибири было передано в качестве проекта в специальную секцию, где каждый ее пункт подвергся детальному обсуждению в ходе трех заседаний. Затем новая редакция текста стала предметом нового рассмотрения на пленарном заседании съезда, в ходе которого возможность

33 Сибирская жизнь. 15.10.1917.

еще раз высказать свое мнение о нем получили представители фракций и национальных групп. Завершилась работа над текстом поименным голосованием каждого параграфа проекта в отдельности. Ее результатом стал итоговый документ — постановление «Областное устройство Сибири», — за который проголосовало 107 делегатов при пяти «против» и четырех «воздержавшихся».³⁴

Поскольку постановление съезда «Областное устройство Сибири» базировалось на постановлении конференции по вопросу об автономном устройстве Сибири, то совершенно естественно, что съездовский документ повторял многие положения, сформулированные на конференции. В том числе в нем декларировалось, что последовательное проведение в жизнь принципа автономии отдельных наций и территорий может быть доведено «вплоть до осуществления организации Российской республики на федеративных началах». Подтверждалось, что Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и «судебной власти» в пределах четко зафиксированных полномочий.

В общих чертах в постановлении съезда эти полномочия определялись так: «За исключением того, что всецело предоставлено будет власти парламента Российской республики и что прямо запрещено будет, как не подлежащее ведению народного представительства Сибири, во всех остальных случаях вся полнота власти в пределах Сибири должна принадлежать Сибирской областной думе, избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и с соблюдением начала пропорционального представительства».

Съезд постановил, что ведению Сибирской областной думы подлежат такие вопросы: местное бюджетное право; народное образование и народное здравоохранение; общественная безопасность; местные пути сообщения, почта и телеграф; право на участие в установлении тарифов и пошлин; распоряжение народным достоянием — землей, недрами, лесами и водами — на основаниях, которые будут установлены Учредительным собранием; изменение конституции Сибири за исключением того, что касается расширения компетенции Сибирской областной думы за счет центрального парламента; дело переселения и расселения; социальное законодательство в развитие общереспубликанских законов; вообще все дела местного характера. Съезд также подтвердил, что высшей для Сибири исполнительной властью должен быть кабинет министров, ответственный перед Сибирской областной думой.³⁵

34 Сибирская жизнь. 14.10.1917 и 15.10.1917; *К[рутовский] В.* Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 111–114.

35 Первый сибирский областной съезд 8–17 октября 1917 года в г. Томск. Постановление съезда. Томск, 1917. С. 1–3.

В потоке многочисленных съездов и конференций, бушевавших осенью 1917 г. на просторах России, общесибирский съезд не выделялся количеством участников. Но он был уникален по своему составу тем, что собрал под одной крышей людей, в большинстве озабоченных судьбой Сибири и живших в ней людей. Съезд явился своего рода смотром сил патриотов края, старшие представители которых были романтиками и идеалистами, плохо понимавшими, что происходит в России. В этом смысле весьма показательным, что председательствовавший на съезде Вл.М. Крутовский в своем очередном «Областном обзоре» назвал его выдающимся событием в Сибири, выразил надежду, что благодаря пропаганде решений съезда областнические идеи «углубятся, расширятся и найдут благоприятную почву среди сибирского населения». В действительности решения октябрьского областного съезда не оказали абсолютно никакого влияния на текущие политические события, так как принятые на съезде решения были рассчитаны на мирную перспективу, а Россия уже стояла на пороге очередной революции.

Более трезво смотрели на происходившее некоторые «молодые» областники. Еще в ходе подготовки съезда у кого-то из членов Оргкомитета — скорее всего, у Е.В. Захарова — зародилась идея попытаться придать областничеству институциональную форму: облечь его в организационный каркас, скрепить внутренними узами-обязательствами перед Сибирью и Учредительным собранием, учредить наделенный полномочиями руководящий орган и тем самым превратить аморфное областническое движение в более организованное и дееспособное. Судя по всему, с целью реализации этого плана в программу работы съезда был включен столь невнятно сформулированный седьмой доклад, из названия которого едва что-то можно было понять. Тем не менее Е.В. Захаров такой доклад на пленарном заседании сделал. О его содержании имеется только краткая газетная информация, в которой говорится: «Г[осподин] Захаров делает доклад съезду об устройстве и конструкции местной организации, в ведении которой находились бы все вопросы, касающиеся автономного устройства Сибири».³⁶

Именно по итогам доклада Е.В. Захарова 16 октября съезд принял еще одно постановление под названием «Организация Сибири». В нем выразителем воли населения Сибири до выборов Сибирской областной думы объявлялись общесибирские областные съезды, состоящие из представителей сибирских общественных организаций, созываемых по мере необходимости исполнительным комитетом. Этот исполком численностью в семь членов и шесть кандидатов к ним должен был избрать съезд. На исполком возлагались функции исполнительного органа съезда. Он

36 Сибирская жизнь. 15.10.1917. Как ни странно, но этот доклад даже не упоминается в пространном обзоре о работе съезда, сделанном его председателем Вл.М. Крутовским.

получил разрешение создавать при себе необходимые организационные структуры и располагать сотрудниками, имевшими право действовать от имени съезда.

В тот же день съезд произвел выборы исполнительного комитета. Его членами стали социал-демократ меньшевик Н.А. Алексеев (Иркутск), беспартийный Б.М. Ган (Томск), беспартийный А.А. Ермеков (Семипалатинск — Томск), эсер Е.В. Захаров (Томск), народоволец Вл.М. Крутовский (Красноярск), трудовик-федералист С.А. Новгородов (Якутск), эсер М.Б. Шатилов (Томск), кандидатами — эсер Б.Г. Вампилун (Иркутск), сочувствующий РСДРП (меньшевик) П.П. Гудков (Томск), эсер П.Я. Дербер (Омск — Томск), социалист-федералист Г.И. Жерновков (Новониколаевск), эсер Н.Н. Козьмин (Красноярск), эсер Ю.Р. Саиев (Томск). Почетным председателем был избран Г.Н. Потанин.³⁷

Формально состав исполкома отражал состав делегатов съезда по территориальному, национальному и партийному признакам, что в принципе придавало ему должный авторитет и позволяло играть в рамках областнического движения интеграционную роль. Но если принять во внимание, что члены и кандидаты в члены исполкома, которые жили вне Томска, как и престарелый Г.Н. Потанин, не являлись полноценными работниками, а беспартийный Б.М. Ган и Вл.М. Крутовский были перегружены работой в качестве губернских комиссаров Временного правительства, то становится очевидным, что реально исполком оказался в руках эсеров. Благодаря созданию новой структуры, наделенной руководящими функциями, эсеры еще более упрочили свое положение в областническом движении.

Под предлогом необходимости сбора и подготовки справочных, статистических и иных материалов по вопросам Сибири для Учредительного собрания руководимый эсерами исполком срочно приступил к формированию своего исполнительного аппарата в виде нескольких отделов: внутреннего управления и областного устройства Сибири, национального, статистического, финансового. Кроме того, исполком поставил себе в качестве важнейшей задачи осуществить объединение городов и земств Сибири.³⁸ Тем самым областническое движение должно было выйти на новый уровень самоорганизации и интеграции с родственными общественными структурами, расширить свою социальную базу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За май — первую половину октября 1917 г. сибирское областничество проделало существенную трансформацию. Из малочисленных и раз-

37 Сибирская жизнь. 18.10.1917; Первый сибирский областной съезд 8–17 октября 1917 года в г. Томск. С. 4–8, 17.

38 ГАНУ, ф. п-5, оп. 4, д. 659, л. 18–19.

розненных кружков местных интеллигентов, имевшихся даже не во всех губернских и областных городах Сибири, оно впервые превратилось в общественно-политическое движение регионального масштаба, располагавшее собственной программой автономного устройства края в составе обновленной России и руководящими структурами, наделенными властными полномочиями. В организационном отношении областничество расширило свои рамки за счет революционно-демократических организаций, включая Советы, земские учреждения, органы городского самоуправления, кооперативные и профессиональные союзы, национальные объединения, казачьи войска и вузы. Руководство областническим движением перешло в руки умеренных социалистов, главным образом эсеров. Это имело своим следствием его отказ от сотрудничества в рамках областничества с буржуазно-либеральными кругами и вылилось в амбициозное намерение собрать под областническими знаменами все социалистические элементы от народных социалистов до большевиков включительно. Однако взятие в конце октября 1917 г. большевиками государственной власти в Петрограде резко изменило общественно-политическую ситуацию и заставило руководство сибирских областников внести коррективы в эти планы.